

ЛИТЕРАТУРА

1. *Machcewicz, P.* Muzeum II wojny światowej w Gdańsku / P. Machcewicz, P. M. Majewski // Muzealnictwo. – Warszawa, 2009. – S. 200–206.
2. *Machcewicz, P.* Muzeum II wojny światowej w Gdańsku. Zarys koncepcji programowej / P. Machcewicz, P. M. Majewski // Przegląd polityczny. – 2008. – № 91–92. – S. 46–51.
3. *Пантьо, Д.* Блокада Ленинграда в концепции музея Второй мировой войны в Гданьске / Д. Пантьо // Ленинградская битва в мировой истории : доклады. – СПб, 2015. – С. 477–480.
4. *Пантьо, Д.* Музей Второй мировой войны в Гданьске. История. Концепция. Нарратив / Д. Пантьо // Військово-історичний меридіан. Електронний науковий фаховий журнал / Нац. музей історії України у другій світовій війні. Меморіальний комплекс, Ін-т історії України НАН. – Вип. 3 (9). – 2015. – С. 130–134.

Е. А. Гребень

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (по воспоминаниям очевидцев)

Материальное положение гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации в настоящее время исследовано достаточно полно на основе архивных документов [1]. В то же время имеется значительный потенциал дальнейшего детального изучения проблемы в рамках устной истории. В работе будет охарактеризовано материальное положение граждан в условиях нацистской оккупации на основе воспоминаний очевидцев.

Опрошенные автором информанты проживали в западных и восточных районах Витебской области (Поставском, Витебском, Лепельском, Россонском), входившей в состав двух крупнейших административно-территориальных единиц периода оккупации – генерального округа Беларусь и зоны тыла группы армий «Центр».

Большинство жителей западной Беларуси происходили из семей крестьян-единоличников, имевших до войны надел земли, достаточный для нормального, по их оценкам, существования [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Двое информантов происходили из семей, не имевших до войны земли, поэтому в материальном плане военная повседневность для их семьи не отличалась от довоенной: тот же наемный труд в качестве батрака («за кошык бульбы») [10; 11]. В основном жители западных районов были в состоянии обеспечивать себя продуктами и в условиях оккупации, по крайней мере, до проведения карательных операций нацистов в 1943–1944 гг. [4; 7; 8].

Родители уроженцев восточных районов работали до войны в колхозах. Несмотря на то, что оккупационные власти фактически сохранили колхозную систему в восточной Беларуси, информанты о их существовании не помнят. Пахотная земля была разделена на полосы между семьям так же, как

и сельскохозяйственный инвентарь. Если не имелось возможности обрабатывать надел пахотной земли по причине отсутствия рабочих рук или лошадей, семья выживала за счет приусадебного участка [12; 13]. По сравнению с западными районами здесь ситуация с продуктами питания была намного хуже, что объяснялось как более низким уровнем материального благосостояния жителей восточной Беларуси до войны, так и значительно большими масштабами партизанского движения в регионе (а значит, необходимостью снабжения партизан продуктами) и масштабами репрессий нацистов против мирных жителей в качестве возмездия за действия партизан.

На фоне сильнейшего дефицита продуктов питания повседневной практикой стало включение в рацион граждан суррогатных продуктов (отрубей, клевера, крапивы) [12; 14]. Информанты отмечали колоссальный дефицит соли. После исчерпания довоенных запасов приходилось употреблять продукты несолеными; изредка удавалось раздобыть соль на рынке в городе [14; 15].

И без того скромные запасы продуктов питания сокращались также по причине размещения в западных районах так называемых «беженцев» (жителей восточной Беларуси, принудительно эвакуированных немцами из прифронтной зоны). Обеспечение их продуктами вменялось в обязанность местным жителям. Например, каждая семья могла кормить беженцев поочередно по одной-две недели [2].

Размер урожая во многом зависел от наличия времени у крестьян для обработки земли. Однако людей от работы отвлекали для исполнения обязательной трудовой повинности, заставляя чистить дороги, работать на постройке мостов, перевозить грузы [2; 4; 5; 9; 13; 16].

Сложное материальное положение большинства семей, необходимость помогать по дому, обрабатывать землю, пасти скот имели и следующие последствия: дети, даже если в их деревне или рядом была школа, не имели возможности ее посещать, а в зимнее время могло не быть одежды и обуви [10].

Жители западных районов еще с довоенных времен были намного лучше обеспечены скотом [4; 7]. Крестьяне-единоличники в начале войны сумели сохранить его большую часть, поскольку бои здесь носили скоротечный характер, не было массового беженства, масштабной эвакуации, а части вермахта надолго в деревнях не задерживались [17]. До 1943 г. многие жители региона продолжали владеть скотом и домашней птицей. Резкое сокращение их численности произошло уже в ходе карательных операций немцев против партизан и по мере сбора натуральных налогов в пользу оккупационных властей, а во время отступления в 1944 г. уцелевший скот тотально изымался или уничтожался немцами [2; 10; 16]. В восточных районах обеспеченность людей скотом и птицей была ниже. Немногие имели корову или птицу с довоенных времен, часть колхозного скота была эвакуирована, много реквизируют немцы [14; 15; 17]. По воспоминаниям людей, мясо в рационе имелось крайне редко. В отдельных случаях информанты сообщают, что чудом уцелевшая в семье лошадь могла быть реквизирована Красной армией после освобождения Беларуси [6].

Какое-то время граждане использовали довоенные запасы промтоваров [6; 8]. Можно предположить, что в Западной Беларуси они были большими, но рано или поздно заканчивались везде. Практически единственной потенциальной возможностью их приобретения являлось посещение рынков в городах, куда можно было вывезти на продажу сельскохозяйственную продукцию или обменять продукты питания на промтовары [2; 5; 15; 16]. Теоретически сельскому населению разрешались поездки на рынок, но на практике это было крайне сложно, поэтому информанты очень редко упоминают о таких поездках по нескольким причинам. Во-первых, на фоне сдачи оккупационным властям натуральных налогов, реквизиций и грабежей со стороны солдат вермахта и местной полиции, необходимости помогать продуктами партизанам очень немногие семьи могли позволить себе вывезти в город небольшие излишки продуктов питания. Во-вторых, передвижение граждан в рамках административно-территориальной единицы, в которой они проживали, и за ее пределы было ограничено оккупационными властями, а если населенный пункт размещался в зоне, контролируемой партизанами, передвижение людей из нее в районы, контролируемые немцами, было крайне затруднено [10; 12]. Некоторым гражданам изредка удавалось обменять что-либо у немцев, которые могли размещаться в деревне на постой [4; 7; 16]. Поэтому для многих сельских жителей реалиями стало возвращение, по сути, к средневековым практикам: освещение домов с помощью лучины в виду отсутствия керосина, сохранение жара в печи, заимствование углей у соседей, использование кремня и трута для получения огня из-за отсутствия спичек [12; 15]. Те, кто умел и имел необходимые ингредиенты, изготавливали мыло кустарным способом, но наиболее распространенной практикой была стирка одежды с помощью золы [5].

Воспоминания вступают в диссонанс с многочисленными документами немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации, касающимися уплаты всевозможных налогов и сборов. Большинство информантов либо отрицает их наличие, либо оценивает необходимость отдавать продукты питания и скот оккупационным властям как грабеж, проявление насилия, а не фиксированные налоги. Некоторые опрошенные признают наличие натуральных налогов, но затрудняются обозначить их размер [5; 16]. Причиной такой трактовки данного аспекта военной повседневности является то, что по вопросам налогообложения с представителями власти контактировал глава семьи, замужние женщины и дети (в настоящее время воспоминания именно этих категорий граждан доступны для исследователей) не владели информацией. Изредка информант может охарактеризовать налоги и повинности. Так, жительница поселка Лынтупы вспоминает, что по приказу немцев приходилось вязать носки для солдат вермахта, отдавали ячмень, картофель, сено, солому, платили деньги [9].

Оккупационные власти обещали выдачу крестьянам, в полном объеме и в срок сдавшим натуральные налоги, премий в виде сельскохозяйственного инвентаря [1]. Среди множества воспоминаний факт выдачи подтвержден

лишь однажды. Жительница деревни Петровичи Поставского района сообщила, что ее отцу немцы выдали плуг [5]. Этот единичный факт, по нашему мнению, свидетельствует, что обещания немцев носили декларативный характер.

Помимо уплаты фиксированных налогов беззащитные граждане регулярно сталкивались с мародерством со стороны немецких солдат и местных полицейских. Во многих воспоминаниях фигурируют немцы, которые проходили через деревни летом 1941 г. или размещались на постой позднее, которые ловили кур, стреляли в свиней, требовали у хозяев молоко, яйца, заставляли женщин готовить им еду. Аналогичным образом вели себя и полицейские, приходившие в деревни для поиска подозрительных лиц или сбора налогов [3; 4, 16; 18].

Постоянная возможность в любую минуту лишиться имущества из-за грабежей немцев и полиции, угрозы сожжения деревни породила и практику его сокрытия. Ценные вещи (одежда, швейные машинки, велосипеды), зерно, картофель закапывали в землю, скот угоняли в лес [16; 19]. Печальный опыт соседних сожженных деревень способствовал тому, что землянки в лесу копались заранее. Люди заблаговременно вынимали и прятали оконные рамы, двери, чтобы использовать их впоследствии для восстановления сожженных домов [5; 9].

Независимо от места жительства многие информанты отмечают, что в их семьях производился самогон, который в условиях оккупации служил эквивалентом денег. С его помощью можно было откупиться от немцев, задобрить чиновника местной вспомогательной администрации, чтобы он не выдал немцам члена семьи, бывшего до войны советским активистом, или чтобы членов семьи реже назначали на работы в рамках обязательной трудовой повинности, не забирали скот в качестве уплаты налогов. Самогон пользовался спросом у партизан [5; 9; 10; 15; 16; 18].

В наиболее ужасающем виде оккупационная повседневность описывается людьми, которым приходилось скрываться от врага в лесах (часто неоднократно и множество месяцев) во время карательных экспедиций немцев против партизан. Даже если жители деревни осознавали возможность ухода в лес и заранее готовили какие-то продукты, надолго их не хватало, поэтому те, кто спрятался в лесу, голодали. Информанты упоминают, что приходилось пить болотную воду, есть подножный корм, кору, внутренности и трупы павших животных. Изредка кому-то из лагеря беженцев удавалось проникнуть в деревню, покинутую жителями или сожженную, и выкапывать из ям картофель (часто гнилой или мерзлый, если события происходили весной) [18; 20].

Таким образом, воспоминания являются важным источником, дополняющим архивные документы. Документы немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации также показывают бедственное материальное положение подавляющего большинства гражданского насе-

ления. Однако воспоминания очевидцев дают возможность увидеть личный уникальный опыт конкретного человека, семьи, иллюстрируют практики выживания в экстремальной ситуации, показывают сходные моменты и локальные отличия в жизни людей в условиях нацистской оккупации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гребень, Е. А.* Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941 – 1944 гг.) : монография / Е. А. Гребень. – Минск : БГАТУ, 2016. – 496 с.
2. Воспоминания Головки Анны Игнатьевны, 1935 г.р., записаны в дер. Миськие Поставского района 13.08.2017 г. // Личный архив автора.
3. Воспоминания Журомского Бронислава Ивановича, 1931 г.р., записаны в дер. Попелики Поставского района 12.08.2017 г. // Личный архив автора.
4. Воспоминания Федорович Викторией Людвиковны, 1932 г.р., записаны в дер. Попелики Поставского района 12.08.2017 г. // Личный архив автора.
5. Воспоминания Грибко Марии Антоновны, 1922 г.р., записаны в дер. Петровичи Поставского района 7.10.2017 г. // Личный архив автора.
6. Воспоминания Каркоз Викторией Викторовны, 1928 г.р., записаны в дер. Комаи Поставского района 12.08.2017 г. // Личный архив автора.
7. Воспоминания Сакович Леонаиды Альбертовны, 1923 г.р., записаны в дер. Сороки Поставского района 7.10.2017 г. // Личный архив автора.
8. Воспоминания Теляк Тамары Константиновны, 1924 г.р., записаны в дер. Теляки Поставского района 13.08.2017 г. // Личный архив автора.
9. Воспоминания Урбанович Елены Ивановны, 1920 г.р., записаны в пос. Лынтупы Поставского района 12.08.2017 г. // Личный архив автора.
10. Воспоминания Альфера Антона Степановича, 1929 г.р., записаны в дер. Груздово Поставского района 13.08.2017 г. // Личный архив автора.
11. Воспоминания Лукашевич Ядвиги Иосифовны, 1923 г.р., записаны в дер. Переслега Поставского района 7.10.2017 г. // Личный архив автора.
12. Воспоминания Тарасевич Валентины Филипповны, 1924 г.р., записаны в дер. Велевщина Лепельского района 10.07.2009 г. // Личный архив автора.
13. Воспоминания Василевской Любви Антоновны, 1929 г.р., записаны в дер. Ляховщина Поставского района 7.10.2017 г. // Личный архив автора.
14. Воспоминания Подобед Варвары Иосифовны, 1918 г.р., записаны в дер. Велевщина Лепельского района 10.07.2009 г. // Личный архив автора.
15. Воспоминания Богдановича Владимира Романовича, 1928 г.р., записаны в дер. Велевщина Лепельского района 10.07.2009 г. // Личный архив автора.
16. Воспоминания Койры Фелиции Бернардовны, 1927 г.р., записаны в дер. Ковали Поставского района 12.08.2017 г. // Личный архив автора.
17. Воспоминания Васильева Владимира Яковлевича, 1927 г.р., записаны в дер. Островские Витебского района 4.07.2009 г. // Личный архив автора.
18. Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны, 1923 г.р., записаны в г. Верхнедвинске 9.09.2014 г. // Личный архив автора.

19. Воспоминания Петровской Фелиции Михайловны, 1927 г.р., записаны в дер. Свирдуны Поставского района 12.08.2017 г. // Личный архив автора.
20. Воспоминания Лебедевой Ольги Ивановны, 1927 г.р., записаны в дер. Шалашники Россонского района 12.05.2019 г. // Личный архив автора.

В. Лукашун

«НА ОСНОВАНИИ ДЕКРЕТА ФЮРЕРА И КАНЦЛЕРА ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИКАЗЫВАЮ...» (положение еврейского населения на территории генерал-губернаторства с октября 1939 г. до июня 1941 г.)

Вместе с входом в Польшу сил Вермахта польские евреи попали под влияние антисемитской политики, проводимой в Третьем рейхе. На оккупированных польских землях 12 октября 1939 года было создано генерал-губернаторство, в котором проживало 12 млн человек. Среди этого населения было 1,5 млн евреев [1, S. 165–167].

Первые действия, направленные против проживающего на этой территории еврейского населения, имели место еще во время Польской кампании. Во многих населенных пунктах, в которые входили немцы, еврейское население подвергалось унижениям и избиениям, а десятки домов, синагог или еврейских предприятий уничтожались. Уже тогда имели место первые массовые расстрелы еврейского населения. В начале положение евреев было, однако, неоднородным, так как в некоторых регионах немецко-еврейские отношения являлись нейтральными, без каких-либо признаков враждебности, с которой тогда относились к полякам.

Эта ситуация начала медленно меняться вместе с первыми указаниями немецких полицейских властей, которые содержались в телеграмме к руководителям оперативных групп Полиции безопасности от 21 сентября 1939 г. Она включала первые указания по осуществлению планированной политики в отношении евреев на оккупированных территориях Польши, предполагающие концентрацию еврейского населения в крупных городах и создание еврейских советов [2, S. 882].

Несмотря на существование такого рода приказов, на момент завершения Польской кампании, власти Третьего рейха не имели четкой концепции в вопросе реализации нацистской антисемитской политики [3, S. 28–29]. Однако для того, чтобы в будущем иметь возможность четко выполнять любые принятые в отношении евреев решения, немецкая администрация в генерал-губернаторстве (ГГ) вела работы, направленные на то, чтобы изолировать их от остального общества и вывести из-под действия закона [4, S. 174].

В связи с этим были созданы специальные подразделения оккупационной гражданской администрации и полицейские структуры по делам евреев. На уровне властей ГГ этим занимался Отдел внутренних дел, имеющий свои аналоги на уровне районов и староств. В рамках сил